

Грот Е. Чехов и вера в сверхъестественное // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 14 февраля. № 17132. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Чехов и вера в сверхъестественное

Чехов был врачом. Медицина наглядно показала ему роль тела и влияние телесных состояний на человеческую психику. Чехов писал: — «Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит нет и истины». Те интеллигенты, которые верили в возможность загробной жизни, вызвали у Чехова удивление; над легковерными спиритами он подсмеивался: — «Дед Иларион уже мертв, но это изумительно умный человек. Дух его мы вызываем каждый день». («Ариадна»).

«Черный монах», однако, содержит в себе некоторый фантастический элемент. Правда, автор сам как-будто извинялся за это, объясняя происхождение рассказа лишь желанием изобразить манию величия. «Монах же, несущийся через поле приснился мне... Стало быть... Антон Павлович, слава Богу, еще не сошел с ума, но за ужином много ест, а потому и видит во сне монахов. (Письмо Суворину в 1894 г.).

«Черный монах» появился в 1894 г. Но именно в том году появились у Чехова уже серьезные признаки болезни-крою харканье. Как человек он, конечно, не хотел верить смыслу этих признаков, но как врач несомненно понимал, чем они угрожали.

Не был ли сон о черном монахе навеян внутренним, старательно подавляемым беспокойством, — не предупреждало ли Антона Павловича подсознание о возможности безвременного конца? И беспокойство это — рождало в сознании фантастический «сверхъестественный» образ.

Чехов был еще молод, талантлив и любил жизнь. Умирать он не хотел. Через несколько лет, как вспоминает Горький, у него порою появлялись

моменты уныния: «Однажды, лежа на диване, сухо покашливая, играя термометром, он сказал: «Жить для того, чтобы умереть, вообще не забавно, но жить, зная что умрешь преждевременно — уж совсем глупо».

Все существо Чехова, конечно, протестовало против такого безнадежного вывода. Он не верил, не мог верить в загробную жизнь, но жаждал поверить, готовность ухватиться за какое-нибудь доказательство ее возможности у него, за несколько лет до смерти, появилась. Нельзя пройти мимо воспоминаний Н. М. Ежова, хорошо знавшего Чехова и любившего его.

Ежов по настоящему не понимал ни характера Чехова ни силы его таланта. Ежову был непонятен разрыв Чехова с Сувориным и «Новым Временем». Но привязанность его к Антону Павловичу была непритворной. Видеть постепенное угасание его, его страдальческое лицо, причиняло ему жестокую боль. — «Увидав Чехова больного, умирающего», — писал он, — «...я готов был упасть в истерику, мне хотелось ломать себе руки и кричать: нет, нет, нет! протестуя против близости смерти человека». Не поэтому ли записал Ежов свой последний разговор с Чеховым во время последнего с ним свидания?

Ежов хранил в памяти красивого, стройного, высокого, широкоплечего человека, глаза которого искрились юмором. Когда же в день последнего свидания ввели его в кабинет Чехова, Ежову показалось сначала, что в комнате никого не было. Вдруг из глубокого кресла, показавшегося было пустым, раздалось приветствие, произнесенное слабым, еле слышным голосом. В кресле сидел Чехов. — «Боже! Это была тень Чехова. Как он исху-

дал, умалился, измолился... После разговора о каких то делах Антон Павлович задумался и вдруг спросил: — «Скажите, Николай Михайлович, вы верите в будущую жизнь?» Я удивился и медлил с ответом. «Впрочем вы, наверное, человек божественный, отвергаете революцию, думаете, что Суворин — пророк своего отечества, а Буренин первый русский критик. Вы в рай попадете, а вот мы в ад гореть будем». Он помолчал и мечтательно проговорил: — «Однако, Гамлет сказал: есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Я не раз думал, что что? — невежество Шекспира, более 300 лет назад сказавшего такую фразу, или что-то вешее? Лев Толстой все отвергает, а сам пишет, что смерть есть воскресение! Даже такой гигант сомневается... Н-да! Вот и поворачивайся на обе стороны».

Чехов продолжал: — «Ум человеческий трезв, пока здорово и цело естество. Если, на пример, сердце изжито и пусто, ему ничто не поможет, ни религия, ни медицина! Я всегда был реалистом, но... Кстати, вы, Николай Михайлович, видели когданибудь привидение?

— Нет, не видал, — Антон Павлович.

— Жаль! Я бы хотел потолковать с человеком, испытывавшим что-нибудь сверхъестественное. Только мне надо правдивого человека!»

Удалось ли Чехову встретить такого правдивого человека? Этого мы не знаем, в этом отношении был он всегда скрытным, но из воспоминаний Ежова мы видим, что он хотел найти его, думал о нем... если не верил, то хотел верить, а это уже и есть почти вера.

Во всяком случае умер он спокойно, без страха, осушив

бокал шампанского и ласково улыбнувшись жене. Умер он «с стонческим изумительным спокойствием... как герой», —

сказал потом, присутствовавший при его смерти, доктор Шверер.

Е Грот